

О последних двух днях обороны Севастополя

Второго июля 1942 года мы группа из разных частей и подразделений оказались прижатыми к морю, на участке между маяком и 35 батареей Береговой обороны. Оборонять нечем, отходить дальше некуда. Впереди ожесточенный взбешенный продолжительностью героической обороны наших войск противник.

Собираем остатки боеприпасов, разыскиваем патроны у раненых, лежащих в лощине возле моря. Наша территория все уменьшается. Надо продержаться пока стемнеет, а затем выровнять площадку, вырытую за день, снарядами и бомбами, для того чтобы мог приземлиться очередной Дуглас, который должен прилететь за ранеными. Сегодня он прилетел в последний раз. С большим трудом, так как установить какой-либо порядок уже очень трудно, загрузили самолет тяжело ранеными. Что будет с остальными? На берегу лежат сотни раненых. Возле них 2 медицинские сестры тоже выбившиеся из сил, но не захотевшие сесть в самолет, отдав свои места раненым. Очевидно их имена так и останутся неизвестными. Кажется, одну звали Мусей, а другой имени не помню. Обе они, 3 июля покончили с жизнью, сделав одна одной укол. Они выполнили свой долг до конца.

Страшная жажда. Мы уже несколько суток без пресной воды. И еще хуже, что нет воды для раненых. Но удивительно, почти никто не падает духом. Невдалеке два моряка заканчивают сооружение небольшого плота на камерах из автомашины. С них смеются. Слышится чей-то голос «уж больно хлипкий ваш корабль, но ничего, это все таки лучше чем пешком по морю...» Кто то предложил им компас, говоря, что нам не нужен нас поведут немцы а вы без компаса, можете к туркам попасть» – подбадриваем раненых, говоря что за нами еще придет пароход. Правда этому мало кто верит....

3 июля из Москвы услышали по радио о том, что наши войска после продолжительной героической обороны оставили Севастополь. Наш остро слов и весельчак Ахчи, грузин по национальности это, пожалуй единственное имя, которое не забылось да и вряд ли его настоящее имя – кричит радисту: передай Москве, что мы не оставим Севастополь, мы драться еще будем и вытащив из кармана камень начал потрясать им в воздухе. А когда уже 4 июля мы шли в колонне, как военнопленные, наш Ахчи увидев в метрах пятидесяти в воронке от снаряда воду не выдержал, выбежал из колоны и не добежав до воронки был застрелен немцем конвоиром –

К вечеру 3 июля немцы как будто ослабили обстрел нашего участка.

Я предложил пробраться в расположение 35 батареи, там говорят, есть патроны. Взял двух краснофлотцев и ползком и короткими перебежками мы

добрались до батареи. В помещении батареи полно людей, боеприпасов никаких, но оружие никто не бросает. Батарея сильно обстреливается артиллеристским огнем. Выходить опасно - говорит офицер в морской форме: «товарищи, освободите батарею, через 10 минут будем подрывать». С другой стороны: - «а куда пойдём, к немцам? Подрывайте».

Где-то девались мои спутники, с которыми я пробрался сюда. Выхожу из батареи и направляюсь обратно на наш участок. Местность ровная, но сплошь изрытая воронками от снарядов ползком и вполурост передвигаюсь от воронки к воронке. Немцы усиливают обстрел, пули свистят мимо меня. Вижу какой-то блиндаж, ещё бросок и я в блиндаже.. Блиндаж это или просто землянка вкопанная землю на полметра, покрыта в один накат тонких бревен. Когда я вбежал в блиндаж передо мной встал младший командир, взял под козырек, сказал «садитесь товарищ капитан, вон в сторонке за дверью». Сам сел ан нарах против двери. В блиндаже находилось 5 человек из них 2 раненых. Все с оружием но без патронов. Невдалеке разорвался снаряд, затем второй возле двери нашей землянки. Сначала зазвенело в ушах и я оглох. Ничего не вижу, так как глаза засыпало землей. Через несколько секунд слышу голос «все ли живы?». Значит не совсем я оглох. Когда пыль рассеялась мы увидели младшего командира, который устроил мое место за дверью на нарах мертвым. Осколок попал в грудь, очевидно против сердца. У меня промелькнула мысль о том, что он своей смертью спас меня. Когда я вбежал в блиндаж мог сесть там, а он уступил мне свое место. Вспомнился ещё один случай под Одессой. В поселке Петровском немцы произвели артналет по двору, в котором находился я со своим хозяйством. Посреди двора была вырыта щель, в которую мы и бросились, чтобы укрыться от арт-огня. Все уже вскочили в щель кроме меня и моего писаря. Я бежал последним за моим красноармейцем-писарем. Возле щели он приостанавливается и толкает меня в щель, в следующую секунду прямо возле щели разрывается снаряд. Красноармеец, толкнувший меня в щель, вскочить сам не успел и был смертельно ранен. Пришлось ехать докладывать командиру дивизии генералу Петрову И.Е. о случившемся, так я остался без транспорта. При обстреле были ранены мои лошади, которых пришлось пристрелить. От командира дивизии мне порядком влетело, зато что я со своим хозяйством торчу на передовой – приказал немедленно убраться в Одессу. С тех пор для ящиков полевой кассы госбанка я получал автомашину.

С наступлением темноты предлагаю выбираться отсюда из блиндажа к морю, тем более что раненые могут идти. Немцы простреливают нашу территорию, трассирующими пулями, хорошо видно как они летят цепочкой. Хотя мы уже не оказываем никакого сопротивления, враг боится ночью подходить к морю на

нашем участке, да и спешить ему уже нечего – мы в колпаке. Подхожу к берегу. Возле стоящего здесь прицепа лежит старший лейтенант с простреленным виском, рядом пистолет без патронов. Этот уже нашел выход. Так делали в эти тяжелые дни.

В мое отсутствие немецкие самолеты опять заходили со стороны моря и обстреливали наших людей находившихся под скалами. Несколько человек ранены. Моряки соорудившие плот поплыли на нем когда еще было светло, видели как вражеский самолет обстрелял их. В тяжелейшем положении раненые, что будет с ними? Несмотря на то что двое суток во рту не было никакой еды – есть не хочется. Вот воды хотя бы глоток. У меня на зубах трещит песок, уши забиты пылью после взрыва снаряда возле блиндажа. Подхожу к морю, чтобы немного помыться. Рядом много трупов. Мы их сбрасываем в море, но море их возвращало обратно. Очевидно надо было привязать к ним камни и таким образом, хоронить в море, иначе волны их выбрасывали на берег. Раздеваюсь до пояса, в это время ко мне подходит интендант 2 ранга Подрыга, один из работников финансового отдела приморской армии. Ты – говорит до сих пор фотоаппарат на себе тащишь и подумав о том что его действительно надо было давно выбросить, я швырнул его в море, помылся и стало немного легче. Присели с Подпрыгой под скалой. Так что делать будем, спрашивает он, что думаешь? Пароход за нами не придет. Конец. Почему конец, говорю, оказаться в плену э то еще не конец. Пусть расстреляют, но сам стреляться не буду, авось успею еще швырнуть камень в рожу фашисту, если руки не будут связаны. Да и нечем, вот пустой ТТ – патроны автоматчикам отдал и не оставил себе. Смотрю Подрыга вынимает из заднего кармана брюк небольшой Браунинг. Вот у меня есть. Голос у него какой-то глухой стал, совсем вдруг изменился. Снимает фуражку и подносит пистолет к виску. Рука у него сильно дрожит. Хватаю его за руку с пистолетом. Он молчит, Вырываю пистолет и бросаю в море. Нет, товарищ Подрыга, это не конец. Нас здесь не двое, а сотни и застрелиться все не могут. Придется разделить участь со всеми. Коротка в июле ночь, близится рассвет, вдруг на море, в сотне метрах от берега, показывается небольшой катер. К нему на встречу бросились вплавь десятки человек. На нем стоял матрос и что-то кричал. Мы поднялись и тоже вошли в воду. Но из этого ничего не получится, столько людей плывут к нему, его просто могут перевернуть и затопить. Остановить людей не удалось. С катера увидели угрожающую им опасность. Не приняв ни одного человека, катер развернулся и ушел. Так мы и не узнали, зачем он подходил, кого хотел взять. Вернулись на берег, вылили воду из сапог.

Когда совсем стало светло, справа и слева нашего участка к обрывам подошли немецкие танки, надо уничтожить документы. Кроме своих у меня были

некоторые документы погибших. Сжечь не на чем, в кармане были спички, но они замякли, когда входил в море, навстречу катеру. Приглось разорвать все на мелкие кусочки. Полученную мною в марте 1942 года медаль за боевые заслуги выбросил в море. Кажется все. Но оказалось не все. Как я выпустил из виду? В кармане гимнастерки у меня была круглая печать дивизии для хозяйственных документов в металлической коробке. Ее-то и обнаружил немец, обыскивавший меня. Вынул из кармана коробку, он посмотрел и спрашивает. Аст штамп? Я кивнул головой и показал в сторону моря, он понял очевидно, что я хочу и выбросил ее в море. Его больше заинтриговали мои сапоги, которые мне пришлось здесь же снять. На верху выстраивались колонны, к которой подходили наши люди. Мы в плену. Хотелось только пить, но удалось только вечером зачерпнуть каской из лужи воды вместе с грязью и выпить.

Мало написано теми, кто прошел горнила фашистских лагерей. Трудно об это рассказывать. Но нам повезло, во первых потому, что в декабре нас, более двух тысяч офицеров, в том числе много чапаевцев, в основном воевавших в Крыму передали вдруг в Румынию. Это было в Ченстохове (?). Это было уже спасение. Во вторых нам после 22 августа 1944 года удалось получить оружие и отомстить врагу в боях за Будапешт. После освобождения Румынии мы были направлены в полк резерва офицерского состава второго украинского фронта, а затем участвовать в штурме Будапешта.

Много чапаевцев пали смертью храбрых в жестоких уличных боях в Будапеште. После того, как мы очистили от врага район Пешта, нас кружным путем перебросили в Буду, где 3-го февраля 1945 года я был тяжело ранен. Но я был в плену, а отношение к бывшим военнопленным, по крайней мере, в первые годы после войны всем известна. И горечь от этого не проходит до сих пор.

Бывший начальник финансового отделения 25 Чапаевской краснознаменной ордена Ленина дивизии А. Запорожченко

Этот текст – составлен по рукописи моего отца Запорожченко А.К. работниками музея «35-я Береговая батарея» в Севастополе